

Ю. С. Шевченко, В. В. Грачев, О. А. Гильбурд

СОЦИОБИОЛОГИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ РАССТРОЙСТВ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

Поступила в редакцию 31.03.2022 г.

Рецензия от 20.04.2022 г.

С помощью современных положений социальной биологии и этологии концептуально обосновывается и подробно описывается оригинальная методика психотерапевтической работы с больными нервной анорексией и булимией. Представленная информационно-аналитическая технология использует концепцию эволюционно стабильных стратегий поведения и является вариантом эмоционально-стрессовой терапии, адекватной для пациентов с аутодеструктивным и потенциально гибельным поведением.

On the modern provisions of social biology and ethology, the original method of psychotherapeutic work with patients with anorexia nervosa and bulimia is conceptually substantiated and described in detail. The presented information and analytical technology rely on the concept of evolutionarily stable behavior strategies and is a variant of emotional stress therapy adequate for patients with autodestructive and potentially disastrous behavior.

Ключевые слова: расстройства пищевого поведения, социобиология, этология, психотерапия

Keywords: eating disorders, sociobiology, ethology, psychotherapy

Введение

Булимическое и аноректическое поведение в широком смысле можно отнести к аутодеструктивному и потенциально гибельному поведению (равно как и разного рода аддикции или увлечение экстремальными видами спорта) и рассматривать его как пролонгированный и неосознаваемый суицид [11]. С другой стороны, в соответствии с основным постулатом этологии, механизм подобного поведения изначально мог возникнуть в рамках защитных и /или приспособительных реакций для индивида, рода или вида [20]. При этом, поскольку для эволюции определяющим является конечный успех именно вида как носителя определенного генофонда, а судьба отдельной особи ее «не интересует» [15], врожденное поведение индивида, направленное на сохранение вида, способно противоречить и инстинкту сохранения рода, и инстинкту самосохранения.

Как известно, «человеку разумному», обладающему самосознанием, свойственна эгоцентрическая иллюзия приписывать качество произ-

вольности и логичности любому своему поступку, даже абсолютно инстинктивному. Это обеспечивает ощущение целостности собственного Я, согласованности между эмоциями, мыслями и поведением, то есть сохранение внутреннего гештальта, стремление к которому является врожденным [20]. В противном случае не «присвоенные» самосознанием чувства, ассоциации и побуждения начинают восприниматься как навязчивости или автоматизмы.

В то же время интересы вида и индивида могут как совпадать, так и конкурировать. Соответственно, в тех случаях, когда инстинктивная программа поведения детерминируется подсознательными интересами вида и ради них даже подразумевает возможную гибель ее отдельного носителя, разумный и обладающий самосознанием «пилот», управляющий своим организмом — «машиной выживания эгоистичных генов» (по Р. Докинзу) [6], не догадываясь об активном сосуществовании филогенетического «автопилота», приписывает принятое решение исключительно себе. При этом он рационализирует реализуемое поведение в соответствии с собственными индивидуальными потребностями, установками, целями и убеждениями. Например, реализуя инстинкт сохранения вида в экологической ситуации угрозы вырождения от ожирения, связанного с перееданием, человек (под влиянием эпигенетически актуализированных генов, отвечающих за противоположно направленное поведение) начинает демонстрировать аноректические бихевиоральные модели — в частности, существующие в онтогенетическом арсенале подростковой инициации [5; 7; 16]. И при этом объяснять их смысл самому себе и окружающим общепонятными эмоционально-идеаторными сентенциями, например стремлением к красоте, которое, кстати, также заложено в нашей инстинктивной программе [14; 17; 20]. Конкретно — стремлением к собственному физическому совершенству. Путь же к совершенству, как известно, может быть бесконечным, а его захватывающее позитивное эмоциональное сопровождение, подкрепляемое, помимо прочего, высшими потребностями, способно конкурировать и с депрессией и со страхом смерти, не придавая значения тому, что сам выбор цели поведения может оказаться ошибочным, а его истинные мотивы — оставаться неосознаваемыми [4; 12].

Между тем человек, каждый раз определяясь на оси «примативности» (первоначальности), соединяющей полюса «инстинктивность» и «разумность» [10], способен не только предпочесть долгосрочную программу удовлетворения потребности краткосрочной (не съесть курицу, несущую золотые яйца). Он в принципе, при условии достаточной зрелости лобной коры и ее энергетического обеспечения, способен воспротивиться любому инстинктивно-подкорковому механизму индивидуального, репродуктивного или социального поведения, а также разумно изменить индивидуальную предпочтительность в иерархии обобщенных инстинктов — «самосохранения», «сохранения рода», «сохранения вида», «сохранения мира, или экологического инстинкта» [7; 10] — и произвольно выбрать наиболее рациональную стратегию и приемлемую схему поведения для адаптации к сложившимся обстоятельствам.

Методология и методы

Представляется, что в данных обстоятельствах основной задачей психотерапевта становится когнитивный анализ поведения пациента с позиций этологии и эволюционной биологии, чтобы установить в его действиях порочность либо нерезультативность применяемого им способа адаптации или психологической защиты, а затем — помочь в выборе адекватной поведенческой стратегии и перспективных моделей ее реализации. Показанные теоретические предпосылки, на наш взгляд, выступают вполне достаточным обоснованием принципиальной возможности единого методологического подхода к реадaptационной работе с разными вариантами аутоагрессивного поведения [1; 3].

Предлагаемая методика представляет собой когнитивно-аналитическую технологию в рамках эволюционной психиатрии и социальной психопатологии [11; 13], базируется на концепции эволюционно стабильных стратегий поведения [9; 19]. На практике предполагается «озвучивание» и «растолковывание» пациенту смысла основных понятий этологии и социобиологии [2], в частности таких, как четыре типа эволюционно стабильных стратегий поведения (далее — ЭСС) — агонистическое поведение, кооперативное поведение, альтруистическое поведение, эгоистическое поведение, и их социобиологического смысла.

Так, разъясняется, что агонистический тип ЭСС в интерперсональных коммуникациях чаще всего непродуктивен, поскольку затраты на его реализацию велики, а наиболее вероятный итог агонистической акции — взаимная деструкция конфликтующих сторон. Исключением являются некоторые ситуации оборонительного императива (защита территории, своих близких, собственной жизни, достоинства и т.п.), когда агонистическое поведение может оказаться облигатным. Иллюстрацией этого могут служить известные пословицы: «Сам погибай, а товарища выручай», «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях» [3].

Социобиологический смысл кооперативного поведения, как правило, состоит в адекватном реальным экологическим условиям взаимном сохранении жизненных преимуществ. Парадокс заключается в том, что кооперативное поведение в некоторых социальных группах может иметь вид аутоагрессии и носить демонстративно-ритуальный характер (скрепление договора кровью, совместное нанесение самоповреждений, групповой суицид). В данном контексте потенциально губительным (следовательно, аутоагрессивным) ритуалом кооперативного поведения является совместное употребление спиртного в ознаменование успешной взаимной акции, а также употребление в компании наркотических веществ (суррогат традиционного ритуала раскуривания «трубки мира», предвещающего переход от предыдущей стратегии к настоящей) [3]. Такие формы кооперативной ЭСС, как активное участие в стихийных молодежных субкультурных объединениях, модифицирующих агрессивное (футбольные фанаты, скинхеды, сатанисты и т.п.), депрессивное (панки, эмо, готы и проч.), гедонистическое (хиппи, растаманы) или рискованное (стритрейтеры, зацеперы, риферы, бест-джамперы) поведение, также характеризуются высоким танатотропным риском [7; 16].

В целом же смысл кооперативной ЭСС выражает афоризм Цицерона: «Худой мир лучше хорошей войны». Переход от нее к следующей эволюционной стратегии можно проиллюстрировать известным изречением Аристотеля: «Платон мне друг, но истина дороже».

Альтруистическая ЭСС отражает выбор, связанный с какой-либо жертвой вследствие односторонней утраты индивидом или группой части жизненных преимуществ либо даже самой жизни ради выживания или повышения адаптивности всего сообщества. И наглядные парасуицидальные поступки, и неосознаваемое потенциально губительное поведение («хронический суицид»), к которому вместе с алкоголизмом можно отнести также булимию и нервную анорексию, правомерно рассматривать в разных социобиологических смыслах. К примеру, как аутоагрессию, которая не может быть направлена на ее действительных виновников (родителей или других значимых взрослых) в силу социальных или культурных барьеров, но способна играть роль своего рода пролонгированного «немого укора», необъявленной «протестной голодовки», медленного демонстративного «самоожжения на ступенях дворца жестокого властелина», в том числе с помощью повторяющихся алкогольных или булимических эксцессов. Альтруистический смысл рассмотренной самоагрессии — спровоцировать у своих близких раскаяние и тем самым сделать их лучше в отношении других, оставшихся жить.

То же самое поведение (в контексте парасуицидального) может представлять собой уже общеродовой социальный сигнал, к примеру об экологическом неблагополучии конкретного места проживания для мигрантов из других регионов: «Здесь жить нельзя» [2]. Общевидовой посыл жертвенно-альтруистического поведения можно перевести как: «Нельзя так жить, так питаться, так думать, так делать, это грозит вырождением». В этом контексте булимическое поведение предупреждает представителей вида о биологических перспективах чревоугодия (смерти от ожирения), делая носителей подобного фенотипа непривлекательными партнерами для репродуктивных контактов.

Альтруистический смысл аноректического поведения более сложен и адресован к обобщенному инстинкту «сохранения мира», который на дочеловеческом уровне срабатывает универсально — любой вид, нарушающий своей активностью возможности окружающей природы самовосстанавливаться, элиминируется естественным отбором. На уровне *homo sapiens sapiens* данный инстинкт можно обозначить как «экологический», а его смысл перевести следующим образом: «Разумное поведение не должно нарушать законов природы. Создание искусственных антропоцентрических идеалов и фанатичное следование им также грозит вырождением». Неслучайно и чревоугодие, и гордыня во многих религиях отнесены к смертным грехам. Причем гордыня (отрицать и противостоять законам природы как на уровне экологии, так и на уровне собственного тела — значит восставать против бога, который создал и природу, и человека) стоит на первом месте в их списке.

В противоположность альтруистическому, вектор эгоистического поведения развернут в сторону индивидуального выживания — приоритетного повышения уровня собственной индивидуальной приспособленности индивида, накопления жизненных преимуществ и т.п.

Данное положение является принципиальным и ключевым в предлагаемой методике, поскольку с социобиологической позиции не допускает возможности «эгоистического самоубийства» [1; 3]. Данный термин фигурирует в социологии, психологии и православной философии, трактующих само понятие «эгоизм» в контексте либо полной социальной непричастности («маргинальности»), либо крайнего индивидуализма. Эгоистическая ЭСС иллюстрируется поговоркой: «Своя рубаха ближе к телу», а ее сочетание с кооперативной — «Хлеб-соль вместе, а табачок — врозь».

Надо сказать, что в норме чаще всего наблюдаются смешанные ЭСС, а также имеет место динамичность смены ведущей роли той или иной стратегии в соответствии с изменяющимися условиями жизни [1–3; 9; 11; 19].

Как подверженность риску оказаться носителем безальтернативной стратегии пищевого поведения, так и динамика последней зависят от многих факторов (биологических, психологических, социальных), определяющих терапевтические перспективы. Последние могут быть расширены за счет включения в контекст когнитивной психотерапии анализа поведения пациента с РПП с позиций концепции эволюционно стабильных стратегий поведения вместо бесполезных попыток критики и разубеждения.

Этапы и содержание предлагаемой методики в условиях психиатрического или соматического стационара

1. *Первичный контакт* с установлением раппорта в технике нейролингвистического программирования, которая подкрепляется эмоциональными и интеллектуальными проявлениями сочувствия, понимания и стремления помочь. Параллельно выяснению причины стационарирования осторожно, но настойчиво аргументируется медико-биологическая трактовка пищевого поведения пациента как аутодеструктивного и, в конечном счете, суицидального (смерть от кахексии или ожирения и их последствий).

2. *Ошеломляющий «разворот на 180 градусов»* — ключевой момент предлагаемой технологии. Цель данного этапа — максимально расшатать (вплоть до полного разрушения) имеющуюся у пациента деструктивную стратегию поведения. Информация, которую психотерапевт обрушивает на пациента, должна привести пациента к осознанию того, что исключительность и уникальность его случая — иллюзия, так как демонстрируемое им аутоагрессивное пищевое поведение является одним из известных эволюционно сложившихся в природе способов поведения всех живых существ. Информация о вышеописанных ЭСС сопровождается для лучшего понимания бытовыми примерами в рамках модели мира пациента.

Следующим шагом является определение анорексии или булимии поведения как типичного примера ущербной альтруистической ЭСС — добровольного жертвенного поведения в длительной суицидогенной ситуации, в результате которой ни у него самого, ни у кого из близких и небезразличных ему людей не происходит улучшения качества жизни [1; 3].

3. *Теологическая иллюстрация.* В качестве примеров истинного альтруизма могут быть использованы примеры из религиозных трактатов и жизнеописаний святых мучеников. Самостоятельным логическим выводом пациента из проведенного анализа должно стать понимание изначальной несостоятельности выбора используемой им ЭСС.

4. *«Работа над ошибками».* На данном этапе психотерапевту важно сосредоточить внимание пациента на неадекватности избранной им ЭСС конкретным релизерам, запускающим то или иное поведение.

Заметим, что истинная выгода для других людей демонстративного самоубивания «с помощью» булимии или анорексии, призывающих к отказу от непосредственно радующего чревоугодия или устремленной в будущее эгоцентрической гордыни, может быть получена только в том случае, если они не выступают у них в качестве симптомов компенсации первичной депрессии, порождаемой ухудшающейся экологией, включая «экологию души» [5; 18]. В противном случае отказ от данных «симптомов компенсации» (по Г. Е. Сухаревой) лишь повлечет поиск новых. Альтруизм же пациентки направлен не на порожденные культурной эволюцией негативные макроэкологические влияния, характерные для эры антропоцена и эпохи постмодерна [18], а лишь на проявления биологического ответа на них. И в этом ее стратегическая ошибка.

Если обратиться к «тактическим ошибкам», то среди них при нервной анорексии можно указать на фиктивность изначально избранной цели похудения — достижения «эталонной» фигуры, поскольку она — порождение человеческой фантазии, а не отражение естественных, природных вариантов физического совершенства. Последних же, как минимум, пять: фигура «треугольник», «груша», «яблоко», «прямоугольник», «песочные часы». Реальный шанс приблизиться к современному умозрительному эталону (в разные времена и в разных культурах идеалом считались иные образцы) имеют лишь носительницы пятого фенотипа. Для четырех пятых представительниц прекрасного пола стремление к данному фенотипу — это «борьба с ветряными мельницами», обреченная на провал. Фиктивный способ решения данной проблемы — создание собственного телесного эталона, вообще лишённого всего женственного, вместо совершенствования того, «чем бог наградил» или что «природа создала».

5. *Выбор адекватной стратегии.* Цель данного этапа анализа жертвенно-аутодеструктивной ситуации состоит в том, чтобы подвести пациентку к самостоятельному выбору наиболее адаптивной и конструктивной ЭСС для сложившихся обстоятельств. Причем альтернативной альтруистическому поведению может оказаться любая из трех прочих ЭСС. Например, в случае изначальной мотивации аноректического поведения «несчастной любовью» в ситуации, когда избранник предпочел другую, психотерапевт сравнивает завуалированный суицид пациентки с итогом страданий юного Вертера из романа Гёте. Как известно, подражание герою романа породило волну имитативных самоубийств в среде молодых людей, живших на стыке XVIII и XIX вв. Этому женскому варианту переадресованной на себя агрессии по отношению к «счастливой сопернице» противопоставляется «мужской» этический эталон, распространенный в ту же эпоху в России, а именно — прямой вызов конкурентки на «дуэль».

Обсуждение результатов

В том случае, когда переадресованная на себя агрессия в форме анорктического или булимического «суицида» обусловлена недовольством родителями, препятствующими реализации естественных подростковых реакций эмансипации, группирования со сверстниками, хобби-реакций, реакций, связанных с формирующимся половым влечением (по А. Е. Личко), к психотерапевтической работе следует привлечь всю семью. Должна быть проанализирована социобиология поведения как «детей», так и «отцов» с тем, чтобы обе конфликтующие стороны подошли к однозначному выбору кооперативной ЭСС. При этом должна быть разработана своеобразная согласованная программа дальнейшей совместной жизни, предполагающая встречные уступки «на пути к миру», которые могут быть зафиксированы в «семейном контракте», содержащем конкретные пункты компромиссного соглашения. К примеру, родители соглашаются отсрочить время вечернего возвращения дочери домой на час при условии, что та, в свою очередь, информирует их о своем месте нахождения и осуществляемых перемещениях.

В случаях, когда РПП как хронический суицид обусловлено невозможностью девочки-подростка самоутвердиться в референтной группе сверстников, в которой она оказалась отверженной, жертвой буллинга (ситуация, напоминающая сюжет кинофильма «Чучело»), социобиологический анализ носит индивидуальный характер. Он должен помочь пациентке осознать, что она, систематически демонстрируя субмиссивное (подчиненное) поведение (от которого один шаг до «поведения жертвы»), сама бессознательно стимулировала доминирующее поведение членов группы. Иными словами, подросток для своих унетателей может играть роль релизера — экологического триггера, запускающего их доминирующее поведение нападающих. Здесь уместна ссылка на исследование американских психологов, проведенное на контингенте серийных насильников. Каждому из них показывали видеозапись уличной толпы и предлагали выбрать среди прохожих своих потенциальных жертв. В результате получилось, что все они, не сговариваясь, выбирали одних и тех же лиц, непроизвольно ориентируясь на невербальные характеристики их поведения (походка, позы, мимика, жесты).

Вслед за осознанием того, что для изменения отношения к себе сверстников необходимо прекратить выполнять для них функцию релизера доминирования (с рабами не дружат), подростку предлагается замена альтруистической ЭСС на альтернативную — эгоистическую. Опыт указывает на эффективность проведения краткосрочного телесно ориентированного тренинга в духе позотерапии по Вирджинии Сатир с последовательной отработкой поз плакатора («просителя»), дистрактора, блаймера («обвинителя»), «компьютера» и Будды с последующим демонстративным игнорированием членов прежней группы. Окончательная перспектива общения со сверстниками (лишение которого даже у шимпанзе-подростков вызывает депрессию) — либо принятие прежней группой как равного среди равных, либо успешная адаптация в новом коллективе. Как уже упоминалось, альтернативой прежнему абсолютизированному альтруизму может быть любая другая ЭСС, в частности ко-

оперативная (к примеру, в том случае, если после выписки или перевода из соматического стационара в психиатрический пациентка будет привлечена к волонтерской деятельности среди аналогичных пациентов, особенно тех, у которых РПП приобрело качество зависимости).

Данный вариант социобиологического анализа применим в отношении носителей как булимического, так и аноректического поведения, тогда как нижеописанный логичнее осуществлять в отношении последних, а также, возможно, пациентов с «половой дисфорией» и психопатологическим транссексуализмом.

Речь уже идет не об альтруистическом общевидовом предупреждении окружающих об опасности переедания и голодания, которые могут привести к смерти и вырождению, а об опасности на уровне сохранения мира [10; 17] в том случае, если противоестественное (в биологическом смысле) и противоположное (в смысле религиозном) поведение, подавляющее соответствующий обобщенный (экологический) инстинкт, с пищевого поведения распространится на иные формы человеческой разумно-культуральной активности. Здесь уместно включение в метафорический анализ образа Сатаны, бывшего любимцем Бога, который ради собственной гордыни, пожелав быть равным Творцу, отказался поклониться божьему созданию — Адаму, первому человеку. В то же время этот падший ангел, оставаясь мятежным подданным державы Божией, против собственной воли в конечном счете может содействовать выполнению Божьего замысла.

В данном случае стратегию пациентки можно рассматривать как «двойной альтруизм», поскольку она своим поведением не только предупреждает об опасности гордыни, противящейся божьим законам и законам природы, создавшим человека таким, как он есть (включая индивидуализированную телесность и половую дихотомию), но и делает это от имени Сатаны. При этом демонстрируя сдвиг на эгоистическую ЭСС, распространяющуюся с пищевого поведения, подавляющего инстинкт самосохранения, на мировоззрение, противоречащее экологическому инстинкту.

В данном случае позитивной социобиологической альтернативой может стать выбор смешанной ЭСС, например, альтруистически-агонистической, реализуемой конкретно участием в движении «зеленых», или альтруистически-кооперативной, в форме активного членства в той или иной политической партии.

Заключение

В заключение остановимся на онтогенетических аспектах рассматриваемой проблемы. Подростковый возраст неслучайно характеризуется повышенным танатотропизмом. В период пубертатного кризиса особенно ярко проявляется комплекс факторов потенциальной гибели, порой искаженно-ритуально сочетаясь с актами прямой аутодеструкции и суицидальными действиями, что свидетельствует о накоплении критической массы агрессии (в том числе прямо или косвенно направленной на себя) в любых ее поведенческих стигматах [3]. В архаичных и традиционных культурах этот этап взросления («смерть» в качестве

ребенка и «возрождение» в качестве взрослого) с наглядной демонстрацией соответствующего поведенческого фенотипа происходит в жестких рамках ритуалов в форме обрядовой инициации [1–3; 7; 8; 13; 16; 20]. Традиционные сценарии подростковой инициации разных культур предусматривают испытание физической и моральной выносливости, часто маркирование тела в форме татуировок, ритуалы «смерти» и «возрождения», пребывание в измененном сознании и т.п. [16]. В них можно легко увидеть прообразы характерных «девиаций» подростков обоего пола, выраженность которых может достигать до явно патологического и даже криминального уровня.

Нельзя оставить без внимания тот факт, что физиологическая необходимость обрядовой инициации может порождаться возрастными колебаниями уровня эндорфинов. Потребность в них и удовлетворяется в процессе периодических физических и / или психологических стрессов, под влиянием которых происходит выделение в кровь морфиноподобных нейропептидов.

Современная цивилизация полностью исключила инициацию как этап культурного онтогенеза индивидуума, аналоги которому существовали в форме посвящения в октябрята, пионеры, скауты, комсомольцы и т.п., не предложив какой-либо адекватной замены, не создав более позднего эволюционного аналога. Лишившись соответствующей традиционно-культурной «канализации», врожденная потребность в подростковой инициации реализуется стихийно в форме наркотизации и нехимических зависимостей, в паттернах агрессивного, антиобщественного, самоповреждающего и суицидального поведения (к скрытым формам которого относятся и РПП) и прочих фиктивных суррогатах «радостного взросления».

Таким образом, наш опыт эволюционно-биологического подхода к решению поставленной проблемы со всей очевидностью указывает на необходимость реставрации в онтогенезе в условиях современной культуры многоэтапной препубертатной и пубертатной ритуально-обрядовой инициации – разумеется, в форме ее современных социально приемлемых аналогов. В качестве одной из предпосылок к этому можно рассматривать представленную технологию информационно-аналитического варианта эмоционально-стрессовой (по В. Е. Рожнову) психотерапии.

Список литературы

1. Гильбурд О.А. Эволюционные аспекты практической коррекции суицидального, аутодеструктивного и потенциально губительного поведения // Acta Psychiatrica, Psychologica, Psychotherapeutica et Ethologica Tavrica. 1996. Vol. 3, №5. С. 105–112.
2. Гильбурд О.А. Избранные очерки эволюционной психиатрии. Сургут, 2000.
3. Гильбурд О.А. Реадаптация лиц с аутоагрессивным поведением: этолого-социобиологический подход // Вестник Сургутского государственного университета. Медицина. 2013. №3 (17). С. 22–28.
4. Грачев В.В., Шевченко Ю.С., Малыгин В.Л. и др. Гипоманиакальные состояния у больных нервной анорексией подросткового возраста // Медицинский вестник Северного Кавказа. 2019. Т. 14, №1. С. 75–79.

5. Грачев В. В., Шевченко Ю. С. Генетические и эпигенетические аспекты нервной анорексии (обзор литературы) // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2020. №4. С. 95 – 105.
6. Докинз Р. Эгоистичный ген. М., 2013.
7. Левковская О. Б., Шевченко Ю. С., Панов Г. А. Суицидальное, самоповреждающее и рискованное поведение в контексте подростковой инициации // Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Будущее детей с особенностями психического развития» / ФГБУ «НМИЦ ПН им. В. П. Сербского». М., 2020. С. 180 – 183.
8. Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). М., 1994.
9. Макфарленд Д. Поведение животных: психобиология, этология и эволюция. М. 1988.
10. Протопопов А. И., Вязовский А. В. Инстинкты человека: попытка описания и классификации. Якутск, 2011.
11. Самохвалов В. П., Гильбурд О. А., Егоров В. И. Социобиология в психиатрии. М., 2011.
12. Социальная психопатология / под ред. В. П. Самохвалова. М., 2018.
13. Симонов П. В. Информационная теория эмоций // Психология эмоций. Тексты / под ред. В. К. Виллюнаса, Ю. В. Гиппенрейтер. М., 1984. С. 178 – 185.
14. Стюарт И. Истина и красота: Всемирная история симметрии. М., 2012.
15. Харари Ю. Н. Sapiens. Краткая история человечества. М., 2018.
16. Шевченко Ю. С. Инициация: этолого-психиатрические аспекты // Детская и подростковая психиатрия: Клинические лекции для профессионалов / под ред. Ю. С. Шевченко. М., 2017. С. 681 – 703.
17. Шевченко Ю. С. Природно-психические предпосылки искусства как биологические корни арт-терапии и арт-педагогике // Клиническая психотерапия (инстинктивно-поведенческие и нейропсихологические модели) / под ред. Ю. С. Шевченко. М., 2018. С. 322 – 344.
18. Шевченко Ю. С. Эволюция психического дизонтогенеза // Социальная психопатология / под ред. В. П. Самохвалова. М., 2018. С. 217 – 250.
19. Эрман Л., Парсонс П. Генетика поведения и эволюция. М., 1984.
20. Eibl-Eibesfeldt I. Human Ethology. N. Y., 1989.

Об авторах

Олег Аркадьевич Гильбурд – д-р мед. наук, проф., Сургутский государственный университет, Россия.

E-mail: ogilbur@gmail.com

Виталий Викторович Грачев – канд. мед. наук, доц., Российская медицинская академия непрерывного профессионального образования, Россия.

E-mail: gratchev@mail.ru

Юрий Степанович Шевченко – д-р мед. наук, проф., Российская медицинская академия непрерывного профессионального образования, Россия.

E-mail: europsy@mail.ru

The authors

Prof. Oleg A. Gilburd, Surgut State University, Russia.
E-mail: ogilbur@gmail.com

Dr Vitaliy V. Grachev, Associate Professor, Russian Medical Academy of Continuous Professional Education, Russia.
E-mail: grachev@mail.ru

Prof. Yuriy S. Shevchenko, Russian Medical Academy of Continuous Professional Education, Russia.
E-mail: europsy@mail.ru